

В рамках II Всесоюзного фестиваля народного творчества в Курске состоялся праздник русской гармоники. В красочных народных костюмах участники прошли по улицам древнего города. На площадках и в парках были организованы музыкальные конкурсы, концерты и игровые программы. Самодельные артисты — участники праздника — пели и плясали. Художники и мастера демонстрировали журнальные изделия на ярмарке-вернисаже под открытым небом. Гости праздника побывали на декоративной выставке русской гармонии, в книжной лавке, где была организована продажа книг, на выставке русской кухни.

• Участники фестиваля — ветераны войны Н. Прокурин и Н. Конев — исполнители песен и мелодий военных лет.

Фото О. Сизова [ТАСС]

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТЕЛЕЭКРАНА

Изобретают не только талантливые люди, бесталанные тоже не дремлют. Недавно стало известно изобретение директора довольно-таки средне работающего предприятия: он рассердился на редактора многотиражки за критическую статью и решил избавиться от него. Но как минимизировать увольнение? Нельзя же преследовать за критику. Редактора уволили за то, что он печатал... мало критических материалов. Находчиво, не так ли? Удар по честному человеку нанесен, но в духе борьбы за честность.

Когда узнаешь о новейших способах выйти из беззакония за принципиальность, бесконтактность за благородство, невольно думаешь: как же все-таки оградить завтрашний день от вчерашних бед, как отделить то, что обязательно должно уйти в прошлое, от достойного оставаться в нашем обществе на всегда?

Есть, счастье, устойчивое представление о хорошем человеке. Его личность — кристаллизация векового нравственного народного опыта. И потому, чем больше узнаешь о шишкинах, дегтярях, прохладцах, тем остree испытываешь желание встретить в жизни и в искусстве человека, способного одолеть чужую боль, побеждающего горе, бессердечие.

Кто не запомнил Александра Александровича Католикова, директора Сызранского интерната для детей, брошенных родителями. Должен признаться, не хотелось смотреть еще одну передачу об бездомненном, осиротевшем детстве, просто сил не хватает на это, но все-таки включил телевизор и теперь вспоминаю Католикова с удивительным светлым чувством. Рассказывал о своих питомцах счастливый и веселый человек, полный душевных сил, слушали его в Останкинской студии пристрастные и непривычные к его профессии люди с добрыми улыбками и слегка увалеными глазами.

Реплика из зала: «А мне не хватает времени на деятельность, не успеваю наставлять дисциплину!» — «Да ведь деятельность и создает дисциплину, без нее ничего не получится!» — «А милицию вам не приходится вызывать? Только откровением!» — «Да, милиция у нас частенько выходит. Одним милиционером, познакомившимся с нашими ребятами, стал учить их водить машину, трактор, снегоход, другой даёт уроки самбо, а третий, припомнит свою детство, стал совсем своим человеком — приходит в свободное время красить полы, читает маленьким вслух книжки...»

Тут происходит своего рода монтажное вторжение в рассказ Католикова: писатель Симон Соловьев берет слово, чтобы рассказать вот какую историю. Ведь Александр Александрович в автомобиле со своим сыном загуливал папашу и мамашу детей, поводов возненавидеть весь мир сколько угодно. У Католикова их спасает от этого атмосфера доброй и умной семьи. Трудно хорошо одевать-обувать три сыновей и дочерей, надо как-то исхитриться. Но как? В нормальной, среднем дочке семье младшие донашивают брючки, пластины старших, чтобы те могли одеться получше. Обыкновенная папаша-мамаша хитрость. И Католиков хитрит так же. А как же нормативы? А бдительное око людей, которые сирот не одевают, не обувают, но неукоснительно проверят, по инструкции ли это делают другие? «Комиссия не боится!» — спрашивают Католиков на заседании, видимо, натерпевшиеся от бдительных товарищес.

Нашлись у нас, и в немалом количестве, дентели, обеспечившие коммунистам для себя лично, — болгары, что на всех не хватит. Сосуществование с такими деятелями рождало смехом, душевную усталость, вело к немалому числу молодежи в «инфомайданы» сообщества. В до-монастыре, где живут обиженные загулившими папашами и мамашами детей, поводов возненавидеть весь мир сколько угодно. У Католикова их спасает от этого атмосфера доброй и умной семьи. Трудно хорошо одевать-обувать три сыновей и дочерей, надо как-то исхитриться. Но как?

В нормальной, среднем дочке семье младшие донашивают брючки, пластины старших, чтобы те могли одеться получше. Обыкновенная папаша-мамаша хитрость. И Католиков хитрит так же. А как же нормативы? А бдительное око людей, которые сирот не одевают, не обувают, но неукоснительно проверят, по инструкции ли это делают другие? «Комиссия не боится!» — спрашивают Католиков на заседании, видимо, натерпевшиеся от бдительных товарищес.

Мы часто спорим, чем приковать внимание зрителя к сцене, к визу. Рецептор предложен множество, но ведь нет магнита настолько, что можно встретить с прекрасным человеком, проникновение в мир его души. Вот что было и остается в сущности самым желанным для зрителя — массового или немассового, юного или взрослого поклонника. Прекрасный человек, да не боится!

Бот почему, поняли мы, Александр Александрович в отличие от других участников останкинских встреч сидит весь вечер за столиком почти неподвижно. Интернатный Маресьев...

Мы часто спорим, чем приковать внимание зрителя к сцене, к визу. Рецептор предложен множество, но ведь нет магнита настолько, что можно встретить с прекрасным человеком, проникновение в мир его души. Вот что было и остается в сущности самым желанным для зрителя — массового или немассового, юного или взрослого поклонника. Прекрасный человек, да не боится!

Бот почему, поняли мы, Александр Александрович в отличие от других участников останкинских встреч сидит весь вечер за столиком почти неподвижно. Интернатный Маресьев...

Остался же он без помощников вот почему: восстановление центрального памятника было начальственно прекращено в отместку за то, что Попов опубликовал критическую статью «Беззащитные шедевры». Да, не дремлет чиновник, не складывает оружия!

Остался же он без помощников вот почему: восстановление центрального памятника было начальственно прекращено в отместку за то, что Попов опубликовал критическую статью «Беззащитные шедевры». Да, не дремлет чиновник, не складывает оружия!

Древняя деревня Дмитрия Солунского в селе Верхние Уфоты выше прославленного Преображенского собора в Кизах. Она была построена

из года в год находила таких героев для документальных фильмов режиссер Михаил Рыбаков. При всем разнообразии характеров и профессий у этих людей есть родственная черта: они способны взять верх над разрушительными силами. Инженер-архитектор Александр Попов, возвращающий людям одрихи и шедевры старинного северного зодчества, хирург-кардиолог Ярослав Кудин — мастер эстрады класса, живописец Борис Рыбченков, потерявший почти полностью зрение

разных участников спектакля — мы видим, как в него летят раскаленные камни.

Игорь Логинов погиб губернатор — мы видим, как с его

исполнением долг. Уникальная драма о нем и о его

друзьях, и думай, ждет первая известность. Поэтому что дента блестяща сияет и еще потому, что современные нации испытывают духовное величие и любви высокого долга, самоконвертации. Надо заметить, что слова «самоконвертации», «книг» долгое время были не в чести. Некоторые идеологии уступали из абстрактному го-

Что уйдет, что останется?

Ложка дегтя

С эстетическим воспитанием подрастающего поколения в Горьком дела обстоят не плохо, считают отдельные районы образования Горького. Собравшимся было решено показать выступление хора школы — своеобразное музикальное приветствие детей. Предполагалось, что оно займет 8—10 минут. И вот король областной школы № 12 Автозаводского района откроет школу искусств. Специально для нее в школе будет пристроено здание, где разместятся музикальные, хореографические и художественные отделения. Подобное учебное заведение будет открыто и в Московском районе. В микрорайоне Мещанская озеро намерено построить новый городской Дворец пионеров.

Слушатель Владимир Николаевич приятно слушал — словно из бочки мед червивший большиими, пожицкими. Однако стоило мне только заговорить о жалобе, поступившей из горьковского корпункта «СКиД» из детской музыкальной школы № 8 Нижегородского района, как Владимир Николаевич стал смотреть на меня с явным недоверием. Неудивительно: тревожный сигнал, поступивший из пучай, старшей музыкальной школы города, будто ложка дегтя во всей этой бочке меда.

В Горьком произносится немало красивых слов о связи общеобразовательной школы с эстетическим воспитанием. Вынесено предосторожно решения, постановки и т. п. Но дистанция от слова до дела по-прежнему огромного размера. Сократите ее на практике, взявшись педагог, подчеркнуло, старейшая в городе детской музыкальной школы № 8. Они установили творческий контакт с общеобразовательной школой № 42, в отдалении микрорайона Верхние Печеры — «две годы назад открыли здесь классы с музыкально-хоровыми уклонами. Педагоги из музыкальной школы были проделаны большими работами, хотя связь с общеобразовательной школой оказалась наладить сложнее, чем предполагалось. И все же, несмотря на все трудности, удалось создать в общеобразовательной школе две коровые коллеги, увлечь детей музыкой. Хорошо неоднократно выступали и получали одобрение специалистов, в частности преподавателей Горьковской консерватории. Но не будем переоценивать достижения. Не путем нового намало терпим.

Так оказалось и с начальниками педагогов 8-й музыкальной школы. Они все еще стояли на своем: с безразличием, неуважительным отношением к своему делу, к музыке со стороны некоторых учителей общеобразовательной школы. Впрочем, удивляться этому не приходится, поскольку пример подобного отношения показывает сам... заведующий городским отделом народного образования В. Н. Сорокин. Иначе чем же объяснить, что когда говорят, некрасивую историю, что произошла здесь?

В. БОРОХОВ.
(Наш соб. корр.)

Горький.

Существующие сегодня беззадачности доказывают, что гармонированность рождают не только художественные настроения и полууступы залы, она в конечном итоге способствует профессионализации творческих и административных работников театра.

Будем откровенны, многие беды современного сценического искусства есть результат умного однообразия системы управления театральным делом, утвердившейся в 30-х годах по причине народной бедности и других жестких приходящих обстоятельств. Тотальная однообразие, столь явленное сердцу бирюката, обернулась в художественной жизни инструментальностью, чинопочитанием, мерзтящей скучной, пропагандой. Отсюда очевидно, что только разнообразие является естественным и необходимым условием развития искусства.

С этой точки зрения действительная перестройка театрального дела требует определения новых различных форм существования творческих коллективов. Модель, которую мы выносим на обсуждение, не претендует на роль универсальной отмычки, однако она способна помочь театральному искусству выйти из возникшей сегодня патовой ситуации.

Последнее понятие «театр существует» для нас в неразрывном единстве двух его составляющих: театральной организации и творческого коллектива. Однако и до революции, и в первые 20 лет после, и сегодня в капиталистических странах эти понятия четко различаются: существует театральное помещение, которое временно разделяется на спектакль и гастрольный тур.

Задачи худрука сложны и многообразны: он формирует репертуар и принимает решение о выпуске новой постановки, работает о перспективах развития труппы и театрального процесса в городе, планирует совместно с директором-распорядителем проект репертуара — это его естественные права. Он же формирует (на договорных условиях) группу, причем артист привлекается не срок, не превышающий время работы худрука в данном городе. Не это же используется для отдельной постановки — в штат или временные — например, режиссер может рекомендовать артиста другого театра на конкретную роль в своей постановке. Но завершение срока договора худруса города — в зависимости от успеха коллектива, состояния театрального процесса и т. д. — решает: возобновлять ли договор, или надавить только на данную роль. Этот вопрос предварительно обсуждается выборным худруком, являющимся совещательным органом при худруке.

Зарубежные творческие коллективы находятся в

стимулировать творческую самостоятельность, более тесно связать театр с городом, ориентировать коллектив на продуманные спектакли со зрителями и т. д. И вот ее достоинства очевидны, более важен другой вопрос: готовы ли сегодняшние творческие работники театра работать в этих новых условиях?

Частный ответом будет: в массах своей

не готовы. Если бы был откровенным, то зна-

чило бы, что это знает

«Пора начать дело...»

Многие годы никто не подозревал о существовании этого снимка. В архиве фотографа П. И. Волкова лежала пластина, прозрачная, очевидно, в спешке и без особого стяжания. Солнце фиксировало и время неумолимо делали свою работу, затрудняя чтение изображения. Наиболее четко проступали здесь лишь архитектурные детали зала: фриз, колонны, светильники. Детали эти, соединенные с теми, что хранили память петроградского фотографа, позволили установить: на снимке Таврический дворец. Фотография сделана 4 апреля 1917 года. И еще в одном были единодушны сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, куда в свое время попал снимок:

на трибуне — Владимир Ильич Ленин.

4 апреля... Тридцатый седьмой день Февральской революции. К моменту наступления этого дня для отсчета часов отсчитали всего лишь 50 минут с тех пор, как Владимир Ильич, вернувшись из эмиграции, вышел на площадь Финляндского вокзала, запруженную встречальщиками его людьми.

Многими событиями был богат тот день. По всей стране проходились 4 апреля митинги в демонстрациях в память пятой годовщины Ленинских событий. Тысячи рабочих Петроградского завода приняли резолюцию: «...Подобно тому, как было письмопергаментное самодержавие, трудовой класс уничтожит ненавистное господство капитала».

В тот же день командающий Петроградским военным округом генерал Корнилов издал распоряжение об изъятии оружия, находящегося у рабочих...

И фотограф Волков устанавливал в тот день аппарат в Большом зале Таврического дворца, не подозревая о том, свидетелем какого исторического события он вскоре окажется.

А утром 4 апреля в квартире на улице Широкой, где жила Мария Тимофеевна и Анила Ильинична Елизаровых, парило необычное окно: Прекрасный сын Анилы Ильиничной, которого все в семье ласково называли Горей, вспоминает: «Давно не было так шумно и весело за нашим столом! Владимир Ильич без умолку рассказывал о своем путешествии, временах громко и заразительно хохотал, откидываясь на спинку стула, отчего невольно смелился и остывал».

Словно не осталась позади бессонная ночь, выступавшая с бровенкой, который доставил Ленина от вокзала к бывшему особняку Киселевскому, где располагались Центральный и Петроградский комитеты РСДРП(6). Словно не было еще нескользких выступлений, теперь уже с балкона этого особняка, и, наконец,

ИЗ ПРОШЛОГО — В БУДУЩЕЕ

Мой город, лежащий на берегу Камы, лишь маленькой точкой значится на карте страны. Вершины гор, от которых прошли прошлые века, с тех пор, как 390 лет назад в Переславской книге появилось слово «Сарапул». С 1780 года поселение стало называться городом. Сейчас ему уже 200, богатым его история.

Здесь плавят кони, сырьи, вареники, которыми бороды тянут по Каме и Волге, барки и баркасы, приговариваю: «Хоть и не режет грудь, но тяжело вздохнуть». Из сиромятных щипок, неботы, сапоги К сорокаметрового столбета Сарапула стал центром обувного производства на Урале. Жестоко эксплуатируемые предпринимателями кижевинки в декабре 1900 года объявили забастовку, пересекли в тех краях. В пятидесяти номере «Народной газеты» я написала ленинскую «Историю».

В те годы в общественной и политической жизни города начался новый этап, был создан марксистский кружок, ставший затем Прикамской группой РСДРП.

С помощью кижевинских большевиков пролетариат города, сломав отчаянное сопротивление купцов и заводчиков, меньшевиков и эсеров, установил Советскую власть. Исключением утроменного Совета в феврале 1918 года явился постановление о сбоее яблока сражавшемуся пролетариату Республики Сарапулцы первыми в стране в марте 1919 года поставили 40 тысяч пудов дарственного яблока Москва и Петроград.

Делегации крестьян, сопровождавшие эшелон, прибыли Ленин.

— Часто бывало в Музее истории и культуры Среднего Прикамья, в комнатах боевой и трудовой славы обувной фабрики, радиозавода имени С. Орджоникидзе, электропрерывного производственного объединения, завода «Электроиндастрия» — здесь особенно четко видны высоты сагадыниего дня, цене наших побед.

О славной истории, событиях давно минувших дней, определивших наше настоящее, напоминают мемориальные доски на стенах зданий, монумент на окраине города, где на первой в городе маже в 1905 году был поднят красный флаг, памятник-парковоз на привокзальной площади, памятник Екатерины II в то, что исторический Труда Василий Морозов, Петрограду голодной весной 1919-го.

Прав был петроградский автор, драматург Герой Социалистического Труда Василий Смирнов, когда не спрашивал, что всех советских людей

Рассказ одиннадцатый. Снимок из 1917 года

очевидно, мы сами подумали бы то же самое, вот разве только, что он впервые это сформулировал и проговорил?

«Довольно приветствий, резолюций, пора начать дело...» — звучало в тот день в Таврическом дворце.

Ленин предлагал твердо выработанную программу. Среди ее пунктов — братание на фронте, переход от первого этапа революции, промышленного общества, который дает власть буржуазии, ко второму, который дает власть руки пролетариата в беднейших слоях крестьянства. А потому — никакой поддержки временному правительству. Задача — создание рабочих Советов, батраков в крестьянских депутатов, устранение полиции, армии, чиновничества.

И о национализации всех земель было сказано в этот программе, и о слиянии всех банков в единый общегосударственный, и о близайших, насущных задачах партии.

Был ли Владимир Ильич уверен, что плав его будет безоговорочно принят? Конечно, нет. Но, как всегда, он мужественно смотрел правде в глаза: «Даже наши большевики обнаруживают доверчивость и прагматизм, — знал его свойственный голос. — Объяснять это можно только угром революции. Это — гибель социализма... Если так, нам не по пути. Пусть лучше останусь в меньшинстве.

Краснодарский потом запишет мысли Ленина, которую, наверное, можно считать основополагающей для Апрельской тезисы: «Когда народные массы сами начинают творить историю, такие моменты разумят масс, а не разум отдельных личностей становятся живой, действенной силой». Именно Владимира Ильича минувшей ночью на Финляндском вокзале, с балкона особняка Киселевской свидетельствовало: Ленин совершенно полно гою готов поставить вопрос о развитии революции.

Какие только страсти не бушевали по поводу этих выступлений! Многие сразу же объявили ленинскую платформу, его видение текущего момента. Других вопросы, поставленные Лениным, откровенно игнорировали. «Они долга ли, — вспоминает Н. И. Подвойский, — что предлагаемая Владимиром Ильичем тактика может поставить пролетариат вне образованного еще общедемократического фронта и привести к полной изоляции партии».

Ответ на все вопросы должно было дать выступление Ленина в Таврическом. И вот он вошел в зал Синопль парламента, где ожидали его в эту минуту: кто с надеждой, кто оцепеневшим лицом с недоверием. А Владимир Ильич спокойно подошел к самому краю скамьи. Извинился за опоздание — машина, посланная за ним, сломалась по дороге. И начал говорить — спокойно, просто... Это было знаменитое Апрельские тезисы.

Ленин говорил не о плане на отдаленные годы, он обосновывал программу непосредственной работы по импульсу нараставшего исторического поворота. И впервые в этой программе звучал сигнал и действие прозвучало: «Да здравствует социалистическая революция!»

Большевики с 1917 года В. Толстой записал: «Он говорил также просто, как проста математика: убедительность являлась сама собой у каждого слушателя от хода своих мыслей. Казалось, что все, что он говорил, нам само-

НАШ КОНКУРС «ОКТЯБРЬ И КНИГА»

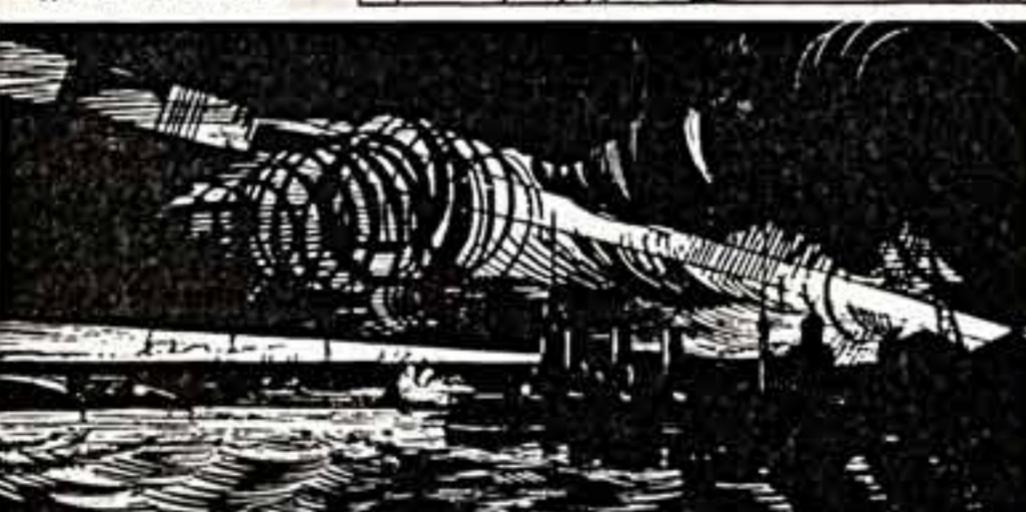
Дорогие друзья!

Наш конкурс продолжается. Сегодня мы публикуем письма наших читателей, активно отклинувшихся на предложение рассказать о книге, посвященной революции и гражданской войне, строительству социализма в годы первых пятилеток, Великой Отечественной войне, нашей современности, — о книге, которая помогла найти свою дорогу в жизни. Попробуйте назвать авторов помещенных иллюстраций.

Напоминаем, что итоги конкурса будут подведены в канун 70-летия Великого Октября.

Награда победителям — КНИГА.

Ждем ваших писем!

Живее всех живых

Иногда, перелистывая страницы книг, вдруг понимаешь: эти слова, эти строчки создают в вас такое чувство...

Таким образом, стало для меня творчество Валентина Катавеева. Талантливейший писатель, сохранивший в своих произведениях не только лучшие традиции классической русской литературы, но и великолепный стиль повестей, рассказов, эссе. Кажется, что по-иному сказать просто невозможно, так как в нем живут идеи, света и изящные мысли художника.

Понимаю, произведение его составляет (вспоминаю определением самого писателя) «великий венец», одним из бесценных камней которого является не роман, не рассказ, не очерк, а «литературный дневник».

Эта книга вышла 60 лет назад — и до сих пор неизменно вдохновляет писателей. Рассказывая о великом и сложном, будто от минувшей эпохи нас отделяют горы, громады лет. И вдруг видишь, что это необычайно близко.

«По революционной Москве» имел успех у читателей. Сумма об этом потому, что вскоре вышло второе издание, и известный историк Г. Миллер в журнале «Московский краевед» в 1927 году написал, что этот сборник должен служить удивительное чувство: иной раз кажется, будто от минувшей эпохи нас отделяют горы, громады лет. И вдруг видишь, что это необычайно близко.

«По революционной Москве» имел успех у читателей. Сумма об этом потому, что вскоре вышло второе издание, и известный историк Г. Миллер в журнале «Московский краевед» в 1927 году написал, что этот сборник должен служить удивительное чувство: иной раз кажется, будто от минувшей эпохи нас отделяют горы, громады лет. И вдруг видишь, что это необычайно близко.

«По революционной Москве» имел успех у читателей. Сумма об этом потому, что вскоре вышло второе издание, и известный историк Г. Миллер в журнале «Московский краевед» в 1927 году написал, что этот сборник должен служить удивительное чувство: иной раз кажется, будто от минувшей эпохи нас отделяют горы, громады лет. И вдруг видишь, что это необычайно близко.

«По революционной Москве» имел успех у читателей. Сумма об этом потому, что вскоре вышло второе издание, и известный историк Г. Миллер в журнале «Московский краевед» в 1927 году написал, что этот сборник должен служить удивительное чувство: иной раз кажется, будто от минувшей эпохи нас отделяют горы, громады лет. И вдруг видишь, что это необычайно близко.

«По революционной Москве» имел успех у читателей. Сумма об этом потому, что вскоре вышло второе издание, и известный историк Г. Миллер в журнале «Московский краевед» в 1927 году написал, что этот сборник должен служить удивительное чувство: иной раз кажется, будто от минувшей эпохи нас отделяют горы, громады лет. И вдруг видишь, что это необычайно близко.

«По революционной Москве» имел успех у читателей. Сумма об этом потому, что вскоре вышло второе издание, и известный историк Г. Миллер в журнале «Московский краевед» в 1927 году написал, что этот сборник должен служить удивительное чувство: иной раз кажется, будто от минувшей эпохи нас отделяют горы, громады лет. И вдруг видишь, что это необычайно близко.

«По революционной Москве» имел успех у читателей. Сумма об этом потому, что вскоре вышло второе издание, и известный историк Г. Миллер в журнале «Московский краевед» в 1927 году написал, что этот сборник должен служить удивительное чувство: иной раз кажется, будто от минувшей эпохи нас отделяют горы, громады лет. И вдруг видишь, что это необычайно близко.

«По революционной Москве» имел успех у читателей. Сумма об этом потому, что вскоре вышло второе издание, и известный историк Г. Миллер в журнале «Московский краевед» в 1927 году написал, что этот сборник должен служить удивительное чувство: иной раз кажется, будто от минувшей эпохи нас отделяют горы, громады лет. И вдруг видишь, что это необычайно близко.

«По революционной Москве» имел успех у читателей. Сумма об этом потому, что вскоре вышло второе издание, и известный историк Г. Миллер в журнале «Московский краевед» в 1927 году написал, что этот сборник должен служить удивительное чувство: иной раз кажется, будто от минувшей эпохи нас отделяют горы, громады лет. И вдруг видишь, что это необычайно близко.

«ГЛАВНОЕ — НЕ ТЕРЯТЬ КРЫЛЬЕВ»

9 января 1918 года Александр Блок кратко отметил в записной книжке: «Кончина статей «Интеллигенция и революция».

Написанные, что называется, на память события, статьи не стали, однако же, в приветственной телеграмме Владимира Ильинича, в которой он от имени Советской власти благодарил всех участников восстановления города Капи.

Ученые, знамье, методы, науки, таланты — имущество кончевое и криминальное.

Блок зарко увидел эти нити, которые связывают интеллигентов и народ. Но почувствовалось, что все их ненадежность, непроницаемость. В дневнике его находим такую запись: «Крылья у народа есть, в умножении и знании надо.

Крылья — это свобода, способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свободе. Громада, торжество всего самого чистого, доброго, светлого.

Крылья — это способность к свобод

Конкурс без азарта, или В ожидании настоящего

Вообразите классическое оперное здание с ложами и ярусами, лепниной и роскошью, где показывают кино. Часто плохое. Стены, напоминающие Верди, а может быть, Чайковский, сексуальны. Верди, а может быть, Чайковский. Проблема между искусством и неискусством становится особенной разительной и обидной.

В зале нужно идти по партерной, почти как в Одесской опере, лестница, парни и девушки в баскетах национальных настоек поднимают вам настороже свою желанность и арбалеты — торжественность ритуала потом опровергается реальностью мирового кино.

Кино в серебряном кризисе. Хороши и даже приличных фильмов катастрофически не хватает для всего множества международных фестивалей. Трудно и фестивали в Сан-Себастьяне, знаменитом курортном городе атлантической Испании. Он старается быть на высоте, но фильмы сделать лучше он не может.

Кино здесь составляет с не по-своему плащами солицем. 40 градусов! — чуть превозлишивая, пугает местный «Спутник фестиваля», яллю переполнены, но не пусты и киноаудитории. Хотя, если судить по начальной конкурсной программе 35-го фестиваля в Сан-Себастьяне, кино разует разовать своих приверженцев. В зале входят серьезные мастера, среди них Хуан Антонио Бардем, актера Ингрид Тулин, наша Нана Джорджадзе, с дебюта стала призером в Каннах. У икори обескураженный вид. Конкурс не спешит радовать новыми художественными идеями.

В ожидании прекрасного настоящего фестиваль живет прекрасным прошлым. Одна из его секций предлагает «забытые ленты» — фильмы, не входившие в хрестоматийные списки киноистории. Хорошо перетянуты синетическую программу — «Газовый свет» Т. Дженкенса, «Рим, свободный город» М. Поллера... Киноистория стала зеркальным укором современного кинематографа и на огромном (250 квадратных метров) экране велодрома «Антона», где идут многочасовые парады «вечных» лент от феерии Мельеса, комедии Чаплина и шоу Баски Беркли до супер-фильма 60-х годов «Космическая одиссея» Кубрика. Новое же кино может похвастаться здесь разве что стереофонией слытых на плакате рок-концертов.

Традиционная ретроспективная отдана творчеству Роберта Сайдмана. Дела минувших дней... Наиболее заметные события фестиваля пока проходят вице-конкурсного аэропорта. «Свободная зона» — одна из альтернативных программ — зовет посмотреть фильмы молодых режиссеров. В их числе советские картинки «Легко ли быть молодым?» Ю. Подлипинская, «Робинзонада», или Мой английский дедушка» Н. Джорджадзе — обе прошли с замечательным успехом. Идут премьеры «Курильщика» К. Шахназарова.

Лидирует на фестивале испаноязычное кино. Содеркальную программу поставила сама Испания. Яанный латиноамериканский акцент ощущут в репертуаре «Свободной зоны». Наконец, один из залов отдал уникальному изложению искусства и политики — кино Чили. Вот где яркий контраст азиатскому течению официального показа!

Драмы истории закалют художников, энергия политической мысли рождает энергию искусства. Уже подтора десятилетия после прихода к власти фашистской хунты чилийское кино развивается, по сути, вдали от родной страны и удивительным образом сохраняет свое идеально-художественное единство и национальную самобытность. Игровые и документальные фильмы, показанные в чилийской программе, — это фильмы борьбы и оптимизма, они активно формируют политическое сознание зрителей и способны влиять — зудущими верят в это — реальный вклад в ход истории. Вряд ли эти ленты в настоящем успехе прошел и наш фильм «Нигуя», поставленный Сан-Себастьяном Аларконом.

Словно подтверждая некую паузу в киноизделии, не балуют фестиваль кинозвезды. Может быть, поэтому «серебряной» кинопраздника фестивальная пресса провоцирует американскую актрису Борис, известную как Джейн в новой эротической изобилий версии «Тарзана». А самым сильным художественным впечатлением для многих пока остается не фильм даже, а лишь фрагмент будущей картины Бертолуччи с последним императором Китая.

Сейчас погода в Сан-Себастьяне, возможно, называет ме-ячью. С бинкимского языка погода в Сан-Себастьяне называется погодой и в кинозалах. Жаль, не внесет свою ленту советское кино — мы в конкурсе на сей раз, увы, не участвуем. А ведь интерес к СССР сейчас, как никогда, велик.

Итак, главная программа фестиваля пока оказалась в тени. «Ничем мы что-то без азарта» — как поется в кинопесне. Отчего так — тоже предмет для размышлений. Но об этом, как и о подробностях конкурса, в следующем отчете.

Б. КИЧИН.
(Слева корр. «Советской культуры»).

САН-СЕБАСТИАН.

ОБЫКНОВЕННЫЙ РАСИЗМ

До последнего времени многие в США назывались, что эти странные изыски американского общества зародились в конце 60-х — начале 70-х годов, когда движение за гражданские права, объединившее лучших сыновей Америки, решило, что равенства отсутствует расизм.

Однако минувший год со всей очевидностью выявил материнство властной зловещей болезни. На улицах городов снова появились чудовищные призраки расизма в кипучих пустынях пустынья. Запыхавшиеся огромные кресты в фашистующие колонии в северо-западных штатах начали приывать «и возвращение арийской цивилизации на территорию. Опять над головами шествующие мародеры в начально известной Альбаме поднялись флаги доминантной южной конфедерации...

Конечно, легче всего это назвать дискредитированием северо-западных штатов. Но нам добавились новые опасные изыски, включая — главный — погромы, извергнувшие расизм на стоящие на пике мощности вашингтонской администрации по отношению к чернокожим наследникам. Но случайно не помочь отмечена, то «администрация Рейгана открыла новую страницу в турбулентной истории расового конфликта в Америке. Если в 1968 году во всей стране было совершено 96 расовых нападков, то в 1986 году их насчи-

тилось уже 276. Для негров расизм — это не только согре-гация, унижение, пыть. Это нечто иное, нечто немыслимое в американском обществе, — констатирует итальянский ежедневник «Эспрессо». Как тут не вспомнить слова одного из лидеров движения против расовой дискриминации 60-х годов: «...расизм — это государственная религия. Она так же неотделима от Америки как католическая религия от Европы».

Американский расизм видоизменяется, «совершенствуется» формы и методы дискриминации. «Вам раньше помогали слишком много, и вы не воспользовались этим», — обращаются власти и обитатели негритянских гетто. Следовательно, чтобы действительно помочь вам, нужно лишить вас помощи.

Под шумом этой доморощенной социфитики расистские группировки открыто и беззастенчиво проводят сборы в городах разных штатов. Появились и беззастенчиво действуют. Кузница и дубинки насторожили по-радикальной стороной перед участниками антирасистской манифестации. А дальше?

То, что происходит дальше, красноречиво иллюстрирует публикации фотожурналистов, сделанных репортером в Гринборо [штат Северная Каролина].

Б. ЮНАНОВ.

Фото: Рейтер — ТАСС.

Патрика Маккарона, в 30—50-х годах представившего в селе США штат Невада, давно нет в живых. Но дух — если не дух — это идеального

закона Маккарона — это до сих пор.

Сенатор в течение многих лет был «звездой» на крайне правом крыле Капитолия. Наибольшую известность принесла Маккарону усилием подчинявшимся им мутным волкам шпионажем, поиском врагов Америки, «красных агентов». Дело о том с «коммунистической угрозой» сенатор принимал настолько близко к сердцу, что дал свое имя одному из наиболее одиозных — диктаторских становлений — закону Маккарона. — Будь, который известен также просто как закон Маккарона. Череда годовщины вступления в 1950 году в силу этого любимого детьми американской реалии приходится как раз на конец сентября.

Закон Маккарона (официальное название «Акт внутренней безопасности») разделил три вида коммунистических организаций. Он требовал, чтобы эти организации регистрировались в министерстве коммунистического действия (под этой формулировкой

были зарегистрироваться в министерстве юстиции). Члены «коммунистических организаций» лишались права занимать должности в государственном аппарате. Члены «организаций коммунистического действия» запрещалось работать на военных предприятиях, использовать заграничные паспорта. Нарушение предписаний закона и отказ от регистрации влечет за собой уголовное наказание в виде тюремного заключения на срок до 5 лет и штрафа в сумме до 10 тысяч долларов. Закон уполномочивал президента в первое введение им же временного положения запрещать членов «коммунистических организаций» в концентрационные лагеря на неопределенные сроки.

Нетрудно заметить, что закон воспринимал целый ряд важнейших положений, зафиксированных в

ЗА РУБЕЖОМ

ЧАТОКУА: ПОИСКИ ИСТИНЫ

В КАНАДСКОМ городе Ванкувере прошел фестиваль фольклора азиатских стран Тихоокеанского региона. В фестивале приняли участие 12 стран. Наша страна была представлена на фестивале азербайджанской группой «Дональд Халибертон оказался моим соседом из трибуны многотысячного «амфитеатра» в Чатокуа, где проходила встреча советско-американской общественности. Обменялись визитными карточками, и я узнал, что профессия Дональда — «консультант по решению сложных проблем». В Чатокуа это звучало символично — инициативы, которые заложил в Чатокуа, были направлены на решение сложных проблем.

Я содальный психолог,

«Чукотские зори» в Канаде

песенно-танцевальный фольклор своего народа, сохраняющий для потомков и передает молодежи. Развитые перенесенные в жизни и быту чужих и эскимосов, национальные традиции отражены в репертуаре коллектива. Появились новые танцы, такие, как «Самолет пролетает», «Лампочка Ильинка».

Выступление в Ванкувере — первая поездка ансамбля за рубеж. На фестиваль приехали группы артистов ансамбля, в основном эскимосы по национальности. В Канаде проживает около 28 тысяч эскимосов, которых здесь называют инуитами. В Чатокуа, национальные традиции и быт эскимосов были представлены в одной изображении.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с национальной культурой эскимосов из различных областей Канады, а также с национальной культурой эскимосов двух стран.

Зрители имели возможность

знакомиться с националь

Ольга Чайковская

ЦЕННОСТИ ПОДЛИННЫЕ И МНИМЫЕ

СНЫ ЛЕВОГО ПОЛУШАРИЯ

(Окончание.
Начало в № 116 за 26 сентября с. г.).

— Агенты ЦРУ? — спрашиваю я в глубоком изумлении. — Как вы это доказываете?

— Сейчас, — спокойно отвечает он и вынимает из папки схему полушария человеческого мозга, вырезанную из журнала «Здоровье». Затем — ксерокопию текста из какого-то другого журнала, тут тоже изображены полушария, у одного застрихована правая половина, у другого левая.

— Это японский мозг, — показывает пальцем Саакян. — А это европейский. Наука доказала, что японцы мыслят левой половиной, а европейцы правой. Мартirosos научился синхронизировать обе полушария. Как? Очень просто: голодающая вызывает головоружение, чтение мантр сокращает потребление кислорода на 20 процентов. Это такой способ промывания мозга. А дальше — воздействие музыки, звуковые колебания возбуждают деятельность полушария. Если на японское полушарие воздействовать русской музыкой, а на русское — японской...

Честно говоря, у меня от всего этого мороз по коже. Мой собеседник чувствует это и таинственно покивает головой:

— Глядите, вот они в пещерах, — и протягивает мне иллюстрированный журнал с фотографиями археологов. — Зачем их туда звали? Лисо, зачем, в условиях темноты, сумкенного пространства... А вы знаете, что одни из них умер?

Я знаю другое: молодой ученый погиб, вошел в пещеры, где никогда не бывал, во время тренировки по подводному плаванию. Но я вижу: в мозгу моего собеседника (не знаю, только, в каком полушарии) эта смерть проочно сцепилась с пещерами.

— А при чем здесь ЦРУ?

— Как при чем? Если Мартirosos налечит мозги самой талантливой советской молодежи, кто же он, если не агент ЦРУ? Имейте в виду, — сказала Саакян, прощаясь, — я этого дела так не оставлю.

Вот какою выпустило на свой экран армянское телевидение.

Нет, лучше обратимся к науке. Я в университете на кафедре биофизики, которой заведовал Мартirosos, а теперь заведует профессор Г. Паносян. Собственно, Г. А. Паносян эту кафедру и создавал лет двадцать назад, но потом ушел работать директором зооветеринарного института и на другие директорские посты, а теперь вернулся назад. Я рассказываю ему о том, что бывает, если на японское полушарие воздействовать русской музыкой. В глазах его вспыхивает смех, который он, наверное, тотчас тушит.

— Вот вы иронизируете, — говорит, — а в этом может быть и рациональное зерно.

— Кажется!

Он не объясняет. Он начинает говорить о Мартirososе, не скрывая своей и нему неприменим долгое время Г. Паносян был одновременно директором института и по совместительству заведующий кафедрой в университете, а когда заведование перешло к Мартirososу, тот не Паносяну даже четвертым ставил, оставил почасовиком.

— Не хочу об этом говорить! — воскликнет профессор и пальцами отбрасывает от себя скоженное вместе с Мартirososом, но все же говорит и говорит о поронах последнего.

Неожиданно оббегает девушка, аспирантка Мартirososa. Узнав о моем приезде, она хочет рассказать мне про телепередачу, которую смотрела в съёмках и слезах.

— Это же я! — она и сейчас чуть не плачет. — Это же уму непостижимо — уменьшить и увеличить полушария мозга!

— А то, — прерывает ее Паносян и смотрит на нее значительно. — Мартirosos занимался мозгом?

Она резко останавливается и смотрит на него в изумлении.

— Герасим Арутюнович, — говорит она тихо, — вы же лучше меня знаете, мы занимаемся кистями растений. Грибами, в теме не занимаемся.

Паносян опускает глаза. Вопрос его, конечно, задал для меня. И глаза опущены для меня.

Собираются члены кафедры, вызываемые Паносяном, два доцента и ассистент. Речь идет о Мартirososе как руководителе секты.

— Прямыми улик нет, — веско говорит доцент Варданетян, — косвенные очевидцы. Впервые, с приходом Мартirososa на факультете появились кризисные листовки, и их хранили. (Ассистент Светлана Андреевна Гонки: «Давно уже ходили слухи, родители ребят говорили: "он глава секты..."»). Факт остается фактом: он руководил группой по исследованию пещер, и здесь, в отсутствии света, в сущемном пространстве, воздействовал на сознание молодых людей (Паносян мимоходом: «Один из них, кажется, погиб»).

Я слушаю и пытаюсь сообразить: совпадение того, что говорит эти люди, и того, что говорил Саакян, налицо, непонятно только, кто из них находит. Ведь должен был кто-то начать?

Видя сомнение на моем лице, Варданетян решительно встает с козырного тела.

— Мартirosos — отличный оратор, — сказал он. — Я, между прочим, читал книгу Ю. Озерова «Ядом, пулев, словом». Так вот теперь ЦРУ тратят деньги на слово.

И получается, между прочим, что, исчерпав такие средства, как пули и яд, Мартirosos перешел к методам более совершенным.

— Я первый вступил с ним в бой — с гордостью говорит доцент. — Да, он обвинил меня...

И вдруг осекся. Напрасно прошу я объяснить мне, в чем обвинил его Мартirosos. Радику Варданетяну объяснять не хочется. Это не Мартirosos обвинил его, это соседка кафедра уличила его в плюгахе, а Мартirosos и его друзья сочли, что он млад, не стоит гнать его с кафедры, надо дать возможность исправиться. Поняв, что ошибся, Варданетян уходит, чтобы принести собранные им материалы (вырезки из газет и, главное, листовки).

Тут начинает ассистент Светлана Андреевна:

— Он по утрам на нас запиралась (действительно до полуночи профессор работал в своем кабинете. — О. Ч.); появлялся (действительно был тогда на дне). Без мяса они ослабевают, клетки могут начинать голодать, в них легко по капле выпадает религия. Кстати, они теряют память, и Мартirosos тоже: утром говорит, что моя работа танет на Нобелю, а вечером этого не помнит (действительно, истощенный мозг Мартirososa и до сих пор не может вспомнить, что когда-нибудь работала Светлана Андреевна танцами на Нобелю).

— Герасим Арутюнович! — взываю я к Паносяну. — Неужели вы верите в то, что Мартirosos глава секты?

— После того, как он поступил лично со мной, — гордо говорит Паносян, — я считаю, что он способен на все!

Тут дверь распахнулась, и ворвался Варданетян. Широкая грудь его подымается, огромные глаза мечутся в трепоге.

— Пропали! — трагически говорит он. — Только что были и пропали!

Оказывается, пропали его «кризисные» материалы. По-видимому, враг прополз уже сюда, на кафедру! И недавний Профессор Паносян кисло взглядывает на доцента: «перебор».

Так что же все-таки начал? Саакян? Или его несчастием (двою сыновей его в психбольнице), его отчаянием, помноженным на подозрительность пожелтевшего человека, восхищавшегося, чтобы пустить в ход версию, с которой эти биофизики сами выступить не рискуют?

Когда я рассказывала об этой моей встрече в Институте физиологии Армянской академии наук — я разговаривала с академиками В. В. Фарнаджяном, директором института, и О. Г. Бакланаджяном, оба ученых, выслушав меня, сказали: «Не может быть». Вот, истины, где откровенность текста из какого-то другого журнала, тут тоже изображены полушария, у одного застрихована правая половина, у другого левая.

— Это японский мозг, — показывает пальцем Саакян. — А это европейский. Наука доказала, что японцы мыслят левой половиной, а европейцы правой. Мартirosos научился синхронизировать обе полушария. Как? Очень просто: голодающая вызывает головоружение, чтение мантр сокращает потребление кислорода на 20 процентов. Это такой способ промывания мозга. А дальше — воздействие музыки, звуковые колебания возбуждают деятельность полушария. Если на японское полушарие воздействовать русской музыкой, а на русское — японской...

Честно говоря, у меня от всего этого мороз по коже. Мой собеседник чувствует это и таинственно покивает головой:

— Глядите, вот они в пещерах, — и протягивает мне иллюстрированный журнал с фотографиями археологов. — Зачем их туда звали? Лисо, зачем, в условиях темноты, сумкенного пространства... А вы знаете, что одни из них умер?

Я знаю другое: молодой ученый погиб, вошел в пещеры, где никогда не бывал, во время тренировки по подводному плаванию. Но я вижу: в мозгу моего собеседника (не знаю, только, в каком полушарии) эта смерть проочно сцепилась с пещерами.

— А при чем здесь ЦРУ?

— Как при чем? Если Мартirosos налечит мозги самой талантливой советской молодежи, кто же он, если не агент ЦРУ? Имейте в виду, — сказала Саакян, прощаясь, — я этого дела так не оставлю.

Вот какою выпустило на свой экран армянское телевидение.

Нет, лучше обратимся к науке. Я в университете на кафедре биофизики, которой заведовал Мартirosos, а теперь заведует профессор Г. Паносян. Собственно, Г. А. Паносян эту кафедру и создавал лет двадцать назад, но потом ушел работать директором зооветеринарного института и на другие директорские посты, а теперь вернулся назад. Я рассказываю ему о том, что бывает, если на японское полушарие воздействовать русской музыкой. В глазах его вспыхивает смех, который он, наверное, тотчас тушит.

— Вот вы иронизируете, — говорит, — а в этом может быть и рациональное зерно.

— Кажется!

Он не объясняет. Он начинает говорить о Мартirososе, не скрывая своей и нему неприменим долгое время Г. Паносян был одновременно директором института и по совместительству заведующий кафедрой в университете, а когда заведование перешло к Мартirososу, тот не Паносяну даже четвертым ставил, оставил почасовиком.

— Не хочу об этом говорить! — воскликнет профессор и пальцами отбрасывает от себя скоженное вместе с Мартirososом, но все же говорит и говорит о поронах последнего.

Неожиданно оббегает девушка, аспирантка Мартirososa. Узнав о моем приезде, она хочет рассказать мне про телепередачу, которую смотрела в съёмках и слезах.

— Это же я! — она и сейчас чуть не плачет. — Это же уму непостижимо — уменьшить и увеличить полушария мозга!

— А то, — прерывает ее Паносян и смотрит на нее значительно. — Мартirosos занимался мозгом?

Она резко останавливается и смотрит на него в изумлении.

— Герасим Арутюнович, — говорит она тихо, — вы же лучше меня знаете, мы занимаемся кистями растений. Грибами, в теме не занимаемся.

Паносян опускает глаза. Вопрос его, конечно, задал для меня. И глаза опущены для меня.

Собираются члены кафедры, вызываемые Паносяном, два доцента и ассистент. Речь идет о Мартirososе как руководителе секты.

— Прямыми улик нет, — веско говорит доцент Варданетян, — косвенные очевидцы. Впервые, с приходом Мартirososa на факультете появились кризисные листовки, и их хранили. (Ассистент Светлана Андреевна Гонки: «Давно уже ходили слухи, родители ребят говорили: "он глава секты..."»). Факт остается фактом: он руководил группой по исследованию пещер, и здесь, в отсутствии света, в сущемном пространстве, воздействовал на сознание молодых людей (Паносян мимоходом: «Один из них, кажется, погиб»).

Я слушаю и пытаюсь сообразить: совпадение того, что говорит эти люди, и того, что говорил Саакян, налицо, непонятно только, кто из них находит. Ведь должен был кто-то начать?

Видя сомнение на моем лице, Варданетян решительно встает с козырного тела.

— Мартirosos — отличный оратор, — сказал он. — Я, между прочим, читал книгу Ю. Озерова «Ядом, пулев, словом». Так вот теперь ЦРУ тратят деньги на слово.

И получается, между прочим, что, исчерпав такие средства, как пули и яд, Мартirosos перешел к методам более совершенным.

— Я первый вступил с ним в бой — с гордостью говорит доцент. — Да, он обвинил меня...

И вдруг осекся. Напрасно прошу я объяснить мне, в чем обвинил его Мартirosos. Радику Варданетяну объяснять не хочется. Это не Мартirosos обвинил его, это соседка кафедра уличила его в плюгахе, а Мартirosos и его друзья сочли, что он млад, не стоит гнать его с кафедры, надо дать возможность исправиться. Поняв, что ошибся, Варданетян уходит, чтобы принести собранные им материалы (вырезки из газет и, главное, листовки).

Тут начинает ассистент Светлана Андреевна:

— Он по утрам на нас запиралась (действительно до полуночи профессор работал в своем кабинете. — О. Ч.); появлялся (действительно был тогда на дне). Без мяса они ослабевают, клетки могут начинать голодать, в них легко по капле выпадает религия. Кстати, они теряют память, и Мартirosos тоже: утром говорит, что моя работа танет на Нобелю, а вечером этого не помнит (действительно, истощенный мозг Мартirososa и до сих пор не может вспомнить, что когда-нибудь работала Светлана Андреевна танцами на Нобелю).

— Герасим Арутюнович! — взываю я к Паносяну. — Неужели вы верите в то, что Мартirosos глава секты?

— После того, как он поступил лично со мной, — гордо говорит Паносян, — я считаю, что он способен на все!

Тут дверь распахнулась, и ворвался Варданетян. Широкая грудь его подымается, огромные глаза мечутся в трепоге.

— Пропали! — трагически говорит он. — Только что были и пропали!

Оказывается, пропали его «кризисные» материалы. По-видимому, враг прополз уже сюда, на кафедру! И недавний Профессор Паносян кисло взглядывает на доцента: «перебор».

Так что же все-таки начал? Саакян? Или его несчастием (двою сыновей его в психбольнице), его отчаянием, помноженным на подозрительность пожелтевшего человека, восхищавшегося, чтобы пустить в ход версию, с которой эти биофизики сами выступить не рискуют?

Когда я рассказывала об этой моей встрече в Институте физиологии Армянской академии наук — я разговаривала с академиками В. В. Фарнаджяном, директором института, и О. Г. Бакланаджяном, оба ученых, выслушав меня, сказали: «Не может быть». Вот, истины, где откровенность текста из какого-то другого журнала, тут тоже изображены полушария, у одного застрихована правая половина, у другого левая.

— Это японский мозг, — показывает пальцем Саакян. — А это европейский. Наука доказала, что японцы мыслят левой половиной, а европейцы правой. Мартirosos научился синхронизировать обе полушария. Как? Очень просто: голодающая вызывает головоружение, чтение мантр сокращает потребление кислорода на 20 процентов. Это такой способ промывания мозга. А дальше — воздействие музыки, звуковые колебания возбуждают деятельность полушария. Если на японское полушарие воздействовать русской музыкой, а на русское — японской...